

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

.....

Дёмина И. В., Дёмин А. Н.

Дёмина Ирина Владимировна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: demina1862@yandex.ru.

Дёмин Андрей Николаевич, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru.

Рецензия на книгу: **Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.**

Перед нами перевод на русский язык книги профессора Лондонского университета Гая Стэндинга, изданной в 2011 г. (*The Precariat: The New Dangerous Class*). Необычное звучание центрального понятия, вынесенного в заголовок, образовано от слияния двух слов: *precarious* (нестабильный, неустойчивый) и пролетариат. Неологизм отсылает к контексту классового структурирования общества, и Г. Стэндинг утверждает, что прекариат — это новый и количественно растущий социальный класс, ключевой характеристикой которого выступает экономически обусловленная нестабильность занятости в различных её проявлениях и следствиях. Автор называет прекариат опасным классом по крайней мере по двум причинам: его представители живут в условиях нарушенной социально-экономической и психологической безопасности; при определённых обстоятельствах он способен стать социальной базой радикальных политических движений, включая неонацизм.

Нестабильность работы, формирующиеся на этой основе социальные группы, образ жизни и повседневные жизненные практики — многообещающие области междисциплинарных социо-психологических исследований. Выделим в книге Г. Стэндинга несколько важных тем. Одни из них являются сквозными, обсуждаются на протяжении всех 7 глав, другим посвящены отдельные главы.

Пусковым механизмом активного формирования прекариата стали процессы глобализации, пришедшие на смену рецессии 1970-х — начала 1980-х гг. Они привели к формированию гибкого рынка труда и массовому распространению так называемых нестандартных форм занятости — временной, частичной,

множественной и т.д., потере для значительной части работников социальных гарантий и льгот. Прекариат пополняется молодёжью, выходящей на рынок труда, пенсионерами, которые легко соглашаются на депривилегированную занятость, мигрантами, людьми с криминальным прошлым и т.д.

Прекариат неоднороден, но главный критерий отнесённости к нему — *незащищённость, негарантированность позиций на рынке труда*. Это сопряжено счастливыми вынужденными перемещениями между работами и рабочими местами, реальной или ожидаемой нестабильностью дохода (в том числе из-за отсутствия пособий, страховок и т.п.), недостаточной самоидентификацией на основе трудовой деятельности и ощущением, что при такой работе и образе жизни вряд ли чего-то можно добиться. Перечисленные признаки экономические и психологически дифференцируют прекариат от других более изученных социальных классов, упоминаемых в книге: элиты, сариата (стабильная полная занятость, дополненная различными благами), квалифицированных кадров, старого «рабочего класса», безработных, социально обездоленных.

Прекариат можно соотнести с «плохой работой» (Warr, 1987), экономически неадекватной занятостью (*underemployment*) — частичной, низкооплачиваемой, несоответствующей образованию и т.д. (Dooley, 2003). Близкое отношение к прекариату имеет феномен ненадёжности работы (*jobinsecurity*), т.е. восприятие и переживание угроз своей текущей работе (от её потери до вынужденного изменения должностной позиции, снижения зарплаты и т.д.) (Дёмин, Петрова, 2010; *Jobinsecurity...*, 1991; Sverke, Hellgren, 2002). Значение книги Г. Стэндинга заключается, во-первых, в попытке интегрировать уже известные феномены в более общий феномен; во-вторых, в предоставлении аргументов для его изучения как на индивидуально-групповом, так и на макропсихологическом и макросоциологическом уровнях. В этих усилиях Г. Стэндинг не одинок (см., например, Каллеберг, 2014; Kalleberg, 2011).

Составной частью образа жизни прекариата выступают стрессированность, неуверенность, психологическое отчуждение, потеря лояльности и доверия к работодателю, приспособленчество и цинизм, проблемы с организацией целенаправленной активности. Наблюдения автора перекликаются с выводами Р. Сеннета (2004), утверждавшего, что современному работнику приходится постоянно упражняться в депрессии. Примеры негативных последствий нестабильной и незащищённой занятости, в том числе экстремальных последствий (самоубийства на предприятиях во Франции, Китае, Японии, США), приводимые в книге, свидетельствуют о том, что вопрос о пределах адаптационных возможностей человека на современном рынке труда вполне актуален.

Большое внимание в книге уделено молодёжи: «самый привычный образ прекариата — это молодые люди, окончившие школу и колледж только для того, чтобы в результате пребывать в неопределённости» (Стэндинг, 2014). Социальный механизм поддержания неопределённости — товаризация (ком-

мерциализация) образования. Система образования, функционируя как бизнес-модель, производит коммерческие продукты — сертификаты и выпускников, но рынок труда не требует такого количества дипломированных специалистов, особенно в условиях широкого распространения современных технологий, вытесняющих человека из сферы трудовой занятости.

Следствиями товаризации образования являются расцвет его стандартизации, движение в сторону обучения без преподавателя (дистанционное образование), размывание профессиональной этики образования, иррационализация (преподают любые курсы, имеющие спрос), статусная фрустрация выпускников. Безусловно, это критический взгляд на текущие процессы в сфере образования, но он имеет под собой эмпирические основания, в том числе в России.

Отдельного внимания заслуживает феномен статусной фрустрации, который связан с затруднениями в поиске рабочих мест, соответствующих формальной квалификации. Данный феномен становится массовым и, по-видимому, социально неуправляемым, поскольку уже запущена парадоксальная спираль повышения квалификационных требований для получения рабочих мест (в частности, мы видим, что медсёстры, продавцы и т.д. должны — в силу явных и неявных ожиданий — иметь высшее образование). Феномен статусной фрустрации включает в себя противоречие между ожиданием работы, адекватной полученному образованию (притязания), и необходимостью зарабатывать (требование текущей ситуации). Зачастую противоречие разрешается в пользу зарабатывания через трудоустройство на временную работу, что поддерживает прекариатизацию молодёжи.

В главе «Труд, работа и нехватка времени» Г. Стэндинг пишет о необходимости разработать концепцию времени, подходящую третичному (постиндустриальному) обществу, а не индустриальному или аграрному. Автор исходит из того, что если в индустриальном обществе время делилось на отрезки, соответствующие пребыванию на рабочем месте и дома, то сейчас ситуация меняется: на первый план начинает выходить *неделимость использования времени*. Например, офис становится продолжением дома и наоборот; дистанционный труд, использующий новейшие информационные технологии, уже не вызывает удивления. Другой пример — интенсификация труда за счёт множественной занятости (совместительства), реализуемой в свободное время. В данной главе автор делает чрезвычайно полезное наблюдение. Появились «*работы ради работы*», которые не совпадают с трудом, понимаемым как оплаченная (рыночная) работа с конкретным результатом: поиск вакансий на рынке труда, составление и обновление резюме, налаживание и поддержание деловых связей, чтение отчётов компании дома, дополнительное обучение и самообразование, навязанное менторство (наставничество), «наведение внешнего глянца» и др.

К «работам ради работы» Г. Стэндинг добавляет «*работы ради воспроизводства*». По его мнению, «это некий неопределённый набор действий, который

людям следует предпринять... для того, чтобы и дальше поддерживать достойный образ жизни» (Стэндинг, 2014). Сюда, в частности, относятся распределение финансов и ведение домашней бухгалтерии, самообслуживание (например, электронная запись к врачу, оплата счетов на соответствующем веб-сайте и т.п.), обращение за правовыми, психологическими и другими консультациями.

«Работы ради работы», «работы ради воспроизводства» в совокупности занимают у человека всё больше времени и сил, не всегда приносят адекватную экономическую отдачу, становятся источником стрессов. Будучи следствием неопределённости и нестабильности, они их и поддерживают. С одной стороны, данные виды деятельности осуществляются в свободное время, поглощая тем самым досуг, с другой стороны, некоторые из них уже рассматриваются как составные части карьеры (Briscoe, Hall, 2006), с третьей — они не только занимают много времени, но и нередко требуют личных финансовых инвестиций. Человек в итоге работает ещё больше и может попасть в ловушку трудоголизма и самоэксплуатации. При этом загруженность работой, подчинённость ей не ведут к профессиональному развитию. Г. Стэндинг, кстати, неоднократно на страницах своей книги поднимает проблемы *депрофессионализации труда*, разрушения профессиональной этики и профессиональных сообществ, которые тесно связаны с прекариатом, его образом жизни. Есть ощущение, что отечественные психологи недооценивают эту новую и крепнущую тенденцию на рынке труда. Переход некогда благополучных профессионалов в зону прекариата — реальность. За примерами не нужно далеко ходить: многие преподаватели высшей школы и сотрудники научных институтов в поисках экономической стабильности поглощены множественной и/или временной занятостью, включены в битву за рейтинги, обновление портфолио, заполнение экспертных, методических формы другие виды «работ ради работы», изматывающих и не оставляющих времени для сосредоточенности и творчества.

Картина, представленная Г. Стэндингом, может рассматриваться в качестве иллюстрации того, что называют когнитивным капитализмом (биокапитализмом), при котором отношение капитал — труд преобразуется в отношение капитал — жизнь, стираются границы между производством товаров и воспроизводством биологической и социальной жизни (Корсани, 2007). Вероятно, для исследователей профессионального здоровья и психологического благополучия такая аналогия поможет оценить перспективы *массовизации феномена психического выгорания*.

Важным является следующее умозаключение Г. Стэндинга: подчинённость работе и многозадачность (в силу множественности оплачиваемых работ, «работ ради работы», «работ ради воспроизводства»), отсутствие контроля над временем толкают людей к пассивным формам досуга, в частности, к различным интерактивным играм, поддерживают синдром дефицита внимания, фрагментарность мышления, интернет-зависимость.

Здесь следует упомянуть одну из идей, на которую опирается и к которой неоднократно обращается Г. Стэндинг. Стиль и образ жизни современного работника формируются в результате конвергенции социальных (формы занятости) и технологических тенденций. Нестабильность занятости и современные информационные технологии оказываются в отношениях взаимосоответствия, усиливают друг друга. Использование мобильного телефона, погружённость в Интернет, с одной стороны, ускоряют оборот информации и поддерживают многозадачность, но с другой — ускоряют переключение внимания, разрывают коммуникации, размывают границы между работой и досугом, что ведёт к когнитивному утомлению и дисфункциям, формирует у людей ощущение хронической нехватки времени. Поистине, современное общество — это общество ускорения в каждом моменте, логическое завершение системы, на протяжении нескольких веков отдававшей предпочтение интенсификации сообщений (Armitage, 1999).

В книге довольно много места (особенно в двух последних главах) уделено обсуждению проблем социальной политики на рынке труда, которая может и усиливать/воспроизводить, и смягчать прекариатизацию. Специалисты, привлекаемые к выработке социально-экономических решений, могут найти здесь немало важной и интересной информации, повышающей их междисциплинарную компетентность.

М. Яхода (Jahoda, 1988), крупнейший исследователь безработицы — символа индустриальной эпохи, подводя итог своим более чем полувековым наблюдениям, задавалась вопросом: что позволяет людям выходить из неё невредимыми? Аналогичный вопрос мы можем задать и по поводу нестабильной занятости — символа постиндустриальной эпохи. Действительно, возможен ли позитивный взгляд на это новое социальное явление? Г. Стэндинг склоняется к отрицательному ответу на данный вопрос, хотя очевидно, что есть социально-профессиональные группы, способные извлекать пользу из нестабильности — их труд организован по проектному принципу (например, специалисты по информационным технологиям), навыки не распыляются, а накапливаются и укрепляются (Каллеберг, 2014).

Книга написана в стиле живого, заинтересованного и насыщенного примерами обсуждения, вероятно, это связано с лекторским опытом автора. Посвящённая нестабильности жизни, занятости и рабочего места, предлагающая способы их анализа (через процедуры контроля времени, дифференциацию и соотнесение видов деятельности/активности, порождаемых нестабильностью, установление содержательного соответствия между экономическими, социологическими, психологическими понятиями), она будет полезна учёным, изучающим различные аспекты социальных изменений.

Библиографический список

1. Дёмин, А.Н., Петрова, И.А. (2010). Психологические эффекты угрозы потери работы. *Психологический журнал*, 31(6), 38–49.
2. Каллеберг, А.(2014). В условиях роста незащищённости на рынке труда и неравенства между хорошими и плохими работами: интервью с Арне Каллебергом. *Экономическая социология*, 15 (4): 11–17. Режим доступа <http://ecsoc.hse.ru/2014-15-4.html>
3. Корсани, А. (2007). Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме. *Логос*, 4, 123–143.
4. Сеннет, Р. (2004). *Коррозия характера*. Новосибирск: ФСПИ «Тренды».
5. Стэндинг, Г. (2014). *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс.
6. Armitage, J. (1999). From modernism to hypermodernism and beyond: An interview with Paul Virilio. *Theory, Culture & Society*, 16 (5–6), 25–55.
7. Briscoe, J. P. & Hall, D. T. (2006).The interplay of boundaryless and protean careers: Combinations and implications. *Journal of Vocational Behavior*, 69, 4–18.
8. Dooley, D. (2003). Unemployment, Underemployment, and Mental Health: Conceptualizing Employment Status as a Continuum. *American Journal of Community Psychology*, 32 (1/2), 9–20.
9. Hartley, J., Jacobson, D., Klandermans, B. & van Vuuren T. (Eds.) (1991). *Job insecurity, coping with jobs at risk*. London: Sage.
10. Jahoda, M. (1988). Economic recession and mental health: some conceptual issues. *Journal of Social Issues*, 44 (4), 13–23.
11. Kalleberg, A.L. (2011). *Good jobs, bad jobs: The rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s-2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
12. Sverke, M. & Hellgren, J. (2002). The nature of job insecurity: Understanding employment uncertainty on the brink of a new Millennium. *Applied Psychology: An International Review*, 51, 23–43.
13. Warr, P. (1987). *Work, unemployment, and mental health*. Oxford: Oxford university press.

Статья поступила в редакцию 20.12.2014.

.....

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF PRECARIOUS EMPLOYMENT

Diomina I. V., Diomin A. N.

Diomina Irina Vladimirovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: demina1862@yandex.ru.

Diomin Andrej Nikolaevich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: demin@manag.kubsu.ru.

Review of the book: Standing, G. (2014). *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press, 328 p.

References

1. Diomin, A. N. & Petrova, I. A. (2010). Psihologicheskie jeffekty ugrozy poteri raboty [Psychological Effects of Job Loss Threat]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 31 (6), 38–49.
2. Kalleberg, A. (2014). V uslovijah rosta nezashhishhjonnosti na rynke truda i neravenstva mezhdru horoshimi i ploхими rabotami: interv'ju s Arne Kallebergom [Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg]. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic Sociology], 15 (4): 11–17. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2014-15-4.html>
3. Corsani, A. (2007). Kapitalizm, biotehnonauka i neoliberalizm. Informacija k razmyshleniju ob otnoshenijah mezhdru kapitalom, znanijem i zhizn'ju v kognitivnom kapitalizme [Capitalism, Biotechnoscience and Neoliberalism. Food for Thought about Relations between Capital, Knowledge and Life in Cognitive Capitalism]. *Logos*, 4, 123–143.
4. Sennett, R. (2004). *Korrozija haraktera* [The Corrosion of Character]. Novosibirsk: FSPI “Trendy” [The Fund for Social Predictive Research “Trends”].
5. Standing, G. (2014). *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.
6. Armitage, J. (1999). From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An interview with Paul Virilio. *Theory, Culture & Society*, 16 (5–6), 25–55.
7. Briscoe, J. P. & Hall, D. T. (2006). The Interplay of Boundaryless and Protean Careers: Combinations and Implications. *Journal of Vocational Behavior*, 69, 4–18.
8. Dooley, D. (2003). Unemployment, Underemployment, and Mental Health: Conceptualizing Employment Status as a Continuum. *American Journal of Community Psychology*, 32 (1/2), 9–20.
9. Hartley, J., Jacobson, D., Klandermans, B. & van Vuuren T. (Eds.) (1991). *Job Insecurity, Coping with Jobs at Risk*. London: Sage.
10. Jahoda, M. (1988). Economic Recession and Mental Health: Some Conceptual Issues. *Journal of Social Issues*, 44 (4), 13–23.
11. Kalleberg, A. L. (2011). *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s-2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
12. Sverke, M. & Hellgren, J. (2002). The Nature of Job Insecurity: Understanding Employment Uncertainty on The Brink of A New Millennium. *Applied Psychology: An International Review*, 51, 23–43.
13. Warr, P. (1987). *Work, Unemployment, and Mental Health*. Oxford: Oxford University Press.